

На рассвете, когда небо едва окрасилось в светлые тона, Янь Цзин, примостившись на спине у Шангуань Тина, капризно произнес:

— Можешь нести меня, это твоя большая честь.

— Ноги больше не болят? Тогда слезай и иди сам, — ответил Шангуань Тин и сделал вид, что собирается сбросить его.

Янь Цзин поспешно обхватил его за шею и громко запротестовал:

— Нет, болят, еще как болят!

Шангуань Тин прекрасно понимал, что Янь Цзин притворяется, но не стал противиться его ребячеству и позволил ему запрыгнуть к себе на спину и обвить шею руками.

Одной рукой придерживая Янь Цзина, другой Шангуань Тин потянул за руку, крепко сжавшую его горло, и предупредил:

— Если не хочешь идти пешком, веди себя прилично.

— Не дергай меня, я сейчас упаду, — недовольно проворчал Янь Цзин, еще сильнее вцепляясь в него.

— Ослабь хватку, дышать нечем.

— Ой, — Янь Цзин немного разжал пальцы. — Так пойдет?

Шангуань Тин ответил коротким мычанием и слегка кивнул.

Последствием этой неумной возни стало то, что рана на груди Янь Цзина открылась, и от острой боли он невольно скривился и был вынужден слезть на землю.

— Поддержи меня, я еле на ногах стою, сил совсем нет, — Янь Цзин протянул руку Шангуань Тину. — Скорее, я сейчас упаду.

Шангуань Тин подставил ему локоть:

— Поделом тебе.

— У тебя совесть есть? Я ведь из-за тебя пострадал, как ты можешь так со мной разговаривать?

— Янь Цзин с силой ущипнул Шангуань Тина, но тот даже не поморщился.

Шангуань Тин парировал:

— Горы завалены снегом, ты думаешь, я сюда пришел, чтобы сдохнуть?

Янь Цзин, получив свое, не унимался:

— Кто знает? Я тебя не просил добывать для меня лекарство.

— Тогда я возвращаюсь, иди дальше сам.

Шангуань Тин тут же развернулся, и Янь Цзин в панике ухватил его за руку, заискивающе добавив:

— Эй-эй! Какой же ты мелочный, чуть что — сразу в штыки. Я прошу тебя, ну пожалуйста, пойдем со мной, а?

На словах он был сама любезность, но про себя ворчал: такой взрослый, а ведет себя как ребенок, сущий невыносимый мальчишка.

— Не дергай за раненую руку, а то снова начнешь орать, у меня от тебя голова раскалывается,
— Шангуань Тин взял Янь Цзина за руку и положил ее на свой локоть. — Пошли, если будем и дальше так возиться, до города Наньцзян доберемся только к ночи.

— Хорошо, идем, — Янь Цзин ловко проскользнул рукой глубже, превращая опору в объятие.

Заметив, что Шангуань Тин замер, Янь Цзин поторопил его:

— Идем же! Только что сам меня отчитывал за медлительность, а теперь чего встал?

— Это неприлично, — Шангуань Тин высвободил руку из захвата. — Береги рану.

— В этой глуши какие могут быть приличия? Никого вокруг нет. К тому же мы оба мужчины, да и рана у меня слева, а ты держишь мою правую руку, — Янь Цзин поднял руку, демонстрируя ее. — Целая рука, не пострадала.

Он насильно вцепился в локоть Шангуань Тина:

— Я наследный принц, и то не жалуясь, а ты чего ломаешься? Ханжа.

— Перестань, идем быстрее.

В отличие от неспешной прогулки Янь Цзина, у Ю Ю и Цзоцзо обстановка была накалена до предела.

Цзоцзо, впрочем, не подавала виду, просто пять дней ждала в чайной вместе с прибывшим Му Янем, постоянно расхаживая из угла в угол.

А Ю Ю, обнаружив пропажу Янь Цзина, подняла шум и требовала дать ей лошадь для поисков. Шан Цянь пытался ее уговорить, но, видя, что та не слушает, в конце концов, не выдержал и приказал связать ее.

Когда они добрались до города Наньцзян, Янь Цзин чувствовал, что вот-вот умрет от голода. Чтобы хоть как-то заткнуть ему рот, Шангуань Тин купил три лепешки.

Янь Цзин держал в руках по лепешке и попеременно откусывал то от одной, то от другой, а лишнюю, которую уже не мог осилить, великодушно отдал Шангуань Тину, который за них платил.

Лепешки были небольшими, и Янь Цзин быстро справился со своей порцией. Увидев, что Шангуань Тин к еде даже не притронулся, он сказал:

— Ты не ешь? Если не хочешь, отдай мне, я еще не наелся.

Шангуань Тин, не желая тратить слова, просто сунул лепешку прямо ему в рот.

— Грубиян, — пробормотал Янь Цзин, продолжая жевать. — А еда в вашем государстве Юй мне даже нравится.

Вспомнив, как Янь Цзин ел в военном лагере, Шангуань Тин усомнился, что тот так уж разборчив в пище, и не удержался от вопроса:

— В вашем государстве Янь золота пруд пруди, неужели наследнику нечего есть?

Янь Цзин проглотил последний кусок и вытер руки о полу халата Шангуань Тина:

— Еды полно, но ты рискнешь есть блюда, в которые подсыпали яд?

— Ты и правда очень неприятный человек, — заметил Шангуань Тин.

— А у тебя язык ядовитый, лучше помолчи, — парировал Янь Цзин.

Шангуань Тин отвел Янь Цзина к врачу, потому что больше не хотел слушать его нытье и не желал, чтобы все его усилия пошли прахом.

— Больно, больно, тише! — на лбу Янь Цзина выступил пот, тело его дрожало, но даже в таком состоянии он не мог умолкнуть. — Шарлатан! Неужели нельзя предупредить перед тем, как лезть? Я... у меня нет никакой подготовки... А! Можно нежнее! Дай мне хоть обезболивающего! Умираю от боли!

Рану вовремя не обработали, кровь запеклась, приклеив одежду к корочкам. Чтобы наложить повязку, нужно было снять пропитавшуюся ткань, а вместе с ней отрывались и присохшие корки.

Шангуань Тин нахмурился и рявкнул:

— Не дергайся!

— Легко тебе говорить, не ты же мучаешься! Попробуй сам! — Янь Цзин был в ярости, и тон его был соответствующим.

— Я не тебе.

Шангуань Тин посмотрел на врача, который занимался раной, и сказал:

— Ты не дергайся.

Янь Цзин, поняв, кому адресованы слова, взорвался:

— Вообще-то больно мне, почему ты дрожишь?!

Врач вытер холодный пот, испуганно поглядывая на Шангуань Тина, и пробормотал:

— Это... я...

Янь Цзин проследил за взглядом врача и посмотрел на Шангуань Тина. У того были резкие, красивые черты лица, но в глазах всегда затаилась какая-то свирепость, от которой даже смотреть на него было страшно.

Немудрено, что у врача тряслись руки. Если бы у Янь Цзина не было своих планов на этого человека, он бы и сам, глядя на Шангуань Тина, почувствовал невольный трепет.

— Выйди пока. Стоишь тут, как ледяная статуя, от тебя веет холодом, — Янь Цзин толкнул

Шангуань Тина локтем. — Иди вон.

В комнате было душно, окна и двери закрыты, и Шангуань Тин не стал спорить.

Уходя, он наказал:

— Не вздумай сбежать, води себя тихо, если что-то нужно — зови.

Как только Шангуань Тин вышел, руки врача перестали дрожать, и он быстро и аккуратно закончил перевязку.

Янь Цзин с любопытством спросил:

— Ты знаешь, кто он? Почему так его боишься?

— В городе Наньцзян кто же не знает славы шестого принца? Он наш великий герой, пока он с нами, мы не проиграем, — врач, хоть и боялся Шангуань Тина, искренне им восхищался. — Судя по акценту, вы не из нашего государства. Сегодня вечером в городе праздник фонарей, там можно просить счастья в любви и богатстве. Если будет время, сходите посмотреть.

Просить счастья в любви? Забавно.

— Вот как? — ответил Янь Цзин. — Тогда я обязательно схожу поглазеть.

Как только с раной было покончено, Янь Цзин потребовал еды.

— Ты ведь только что съел три лепешки, — Шангуань Тин хотел сначала забрать лекарства, чтобы не терять времени.

С тех пор, как Янь Цзин съел лепешки, не прошло и получаса.

Янь Цзин показал пальцами размер:

— Лепешки были крохотные, разве это еда? Я хочу поесть по-человечески.

— Поесть...

— В том заведении, где мы были в прошлый раз, — перебил его Янь Цзин. — Мне нравятся их фрикадельки.

Стало ясно, что Янь Цзин все продумал заранее и только ждал, когда Шангуань Тин уступит.

<http://bllate.org/book/21786/2253240>